

ВОЕННЫЕ В ВОССТАНИИ НИКА

Пожалуй, нет в историографии работ, в той или иной степени затрагивающих историю восстания Ника, в которых отсутствовало бы (детальное или краткое) описание участия в нем военных. Однако анализ литературы убеждает в том, что реальное место их (армии, гвардии, отдельных военачальников) изучено хуже, по сравнению с поведением димов, сенаторов, т.н. династийной оппозиции. Специалисты скрупулезно реконструировали социальные мотивы позиций, занятых различными гражданскими слоями, а также последствия, определявшиеся уже во многом правительством, их участия в восстании. Насколько мы можем судить, перечень затрагивавшихся в историографии проблем этого порядка ограничивается попытками объяснения присутствия в столице с отрядом герулов магистра войск Иллирика Мунда¹, нейтральности или прямой враждебности императору схоляриев² и гипотезой о размещении в Константинополе после восстания федератов³. В основном же доминирует описание подавления восстания, причем противоречия источниковой традиции в данном случае практически не фиксируются. Как правило, сведения разновременных и разноязычных источников механически добавляются друг к другу с целью получения максимально детализированной картины противостояния власти и народа.

Отдать предпочтение какому-либо автору (или группе авторов), в том числе современникам и очевидцам восстания, в изображении поведения военных, действительно, довольно сложно. Это объясняется и политическими пристрастиями, и особенностями стиля, а также корректного употребления терминологии, и способностью более или менее профессионально и полно отобразить весь ход

¹ Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris, Amsterdam, Bruxelles, 1949. V.II. P.293; Ensslin W. Mundus // RE. 1933. Bd. 16. Sp. 560; Chassin I. Belisaire, generalissime byzantin (504-565); P., 1957. P.50.

² Frank R. Scholae Palatinae. The Palace Guards of the Later Roman Empire. Rome, 1969. P. 215-216.

³ Benjamin C. De Iustiniani imperatoris aetate quaestiones militares. B., 1892. P.18.

столкновений стасиотов и военных в столице. Последним качеством вряд ли обладала подавляющая масса авторов, лиц сугубо штатских или духовного звания; эту задачу (сносно¹) мог бы выполнить лишь Прокопий. Но среди повествований прочих вероятных очевидцев подавления восстания (Малала, Захарии Ретора, Комита Марцеллина, Иоанна Лиды) информативность рассказа Прокопия отнюдь не выглядит исчерпывающей и уступает более поздним авторам ("Пасхальной хронике" и Феофану). Полезно поэтому сопоставить имеющиеся упоминания о военных в дни восстания.

Материал распадается на несколько групп:

1) информация разных авторов совпадает по содержанию, варьируясь в деталях и по форме;

2) близкие по содержанию, но различающиеся мотивировкой сведения;

3) отдельные (в том числе взаимоисключающие) данные, отсутствующие в прочих источниках;

4) краткие пересказы, ориентированные на конкретный первоисточник (Евагрий на Прокопия, *De insidiis* — на Малалу);

5) уникальные версии.

К первой группе относится большинство фрагментов греко- и латиноязычных авторов, что видно уже из хронологически первого упоминания о применении правительством военной силы. Малала сообщает, что за укрывшимися в церкви св. Лаврентия префектом города была послана *στρατιωτικὴν βοήθειαν* (Malala. 473. 20). По Феофану, с этой целью отбыли *στρατιῶται* (Theoph. 184. 11). И далее, после отказа убрать их от церкви и поджога восставшими претория, "встречавшиеся стратиоты умерщвлялись ими беспощадно" (Ibid. 184. 17-18). Прокопий говорит в этом случае об избийении стасиотами подчиненных префекту города *ὀπληρέται*. (BP. I. 24. 8).

"Пасхальная хроника" и Малала сообщают об уличном сражении какого-то готского отряда во главе с Велизарием (Chron. Pasch. 621. 17: *μετὰ πλῆθους Γότθων*; Malala. 475. 8: *μετὰ πλῆθους Γοτθικοῦ*) в ответ на требования стасиотов сместить Иоанна Каппадокийского, Трибония-на, Эвдемона. Рассказ Малалы, однако, предваряется такой деталью: к собравшимся у дворца димотам вышли со своими

¹ Отметим, однако, что в качестве военного историка Прокопий несравненно слабее, чем *miles et Graecus* Аммиан.

свитами (*οἱ λεῖπῃ*) Мунд, Константиола, Василида, а вместе с ними какой-то отряд (*μετὰ βοήθειας* — Malala. 475. 1-2). По мнению А.А. Чекаловой, этот же эпизод отражен у Зонары (Zon. 271. 15-20), где говорится о стычке горожан с отрядом герулов¹.

При описании проникновения в триклиний через кафизику Мунда, Константиола, Велизария и других сенаторов со спафариями и кубикюляриями Малаала обозначил их силы как *βοήθειας ἐνόπλιον* (Malala. 476. 3), "Пасхальная хроника" — как *ἐνόπλιον βοήθειαν* (Chron. Pasch. 626. 1-3), Феофан — *ἐνόπλιον στρατιωτῶν βοήθειαν* (Theoph. 185. 11-13). В отличие от Прокопия (BP. I. 24. 46-53) и De insidiis (De ins. 172. 19-20), рассказывающих о том, что резню на ипподроме учинили лишь Велизарий и Мунд, "Пасхальная хроника" (Chron. Pasch. 626. 16) и Феофан (Theoph. 185. 20-21) к активным участникам избиения стасиотов причисляют Нарсеса и сына Мунда. Арест Ипатия и Помпея Малаалой (476. 10-11), "Пасхальной хроникой" (626. 22) и Феофаном (185. 24-25) приписывается Велизария. Прокопий утверждает (BP. I. 24. 53), что это было совершено Бораидом и Юстом, племянниками Юстиниана.

К первой группе свидетелей относятся также краткие версии латиноязычных авторов, ни словом не обмолвившихся о подавлении восстания силой оружия (Marc. Com. a. 532; Vict. Tonn. a. 530; Mar. Avent. a. 532; Iord. Rom. 364).

В число отдельных данных, отсутствующих в прочих источниках, входит прежде всего разъяснение Малаалой цели принятия стасиотами особого пароля: "чтобы не мешались к ним стратиоты и экскувиты" (Malala. 474. 12-13). Прокопий, лишь констатировав факт циркулирования в среде восставших пароля, от объяснения его природы уклонился (BP. I. 24. 10). Он трижды (BP. I. 24. 39; 44) сделал акцент на нейтральной, выжидательной позиции *στρατιῶται ξύμπαντες* и среди них тех, "которые были поставлены вокруг императорского дворца". "Пасхальная хроника", наоборот, подчеркивает, что схолярии и экскувиты совершенно открыто приняли сторону народа. А потому оставшиеся во дворце 18 января, присоединив к себе находившуюся там внутри *βοήθειαν*, скрыт-

¹ Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Нике. М., 1986. С.151. Прим.30.

но от схолариев и экскувитов вывели ее из дворца и только после этого вышли со своими людьми на ипподром (Chr. Pasch. 626. 11-14). В той же "Пасхальной хронике" приводится единственное свидетельство об участии в подавлении восстания войск регулярной армии: "вступили в бой с народом *στρατιῶται*, пришедшие из Эвдома, Регия, Афиры и Калабрии" (Ibid. 622. 16-18). Согласно Феофану, в последние дни восстания император имел на своей стороне 3 тыс. человек (Theoph. 184. 29-30).

К уникальным версиям о месте военных в восстании относится прежде всего повествование Захарии Ретора: "Некий стратег Мунд находился там со своими войсками; он, также как схоларии и войско, которое там находилось, получили задание, закрыли ворота ипподрома, разгромили и убили все сословия..." (Zach. Rhet. 189. 15-19). К нему примыкает замечание Феофана о том, что Юстиниан, собравшись бежать из столицы, оставил "охранять дворец стратилата Мунда с его сыном, тремя тысячами человек и Константиолом, а также кубикулариев" (Theoph. 184. 29-30). Роднит оба сообщения тот факт, что в них вообще не упоминается Велизарий. Прокопий, наоборот, выпячивает роль Велизария, подчеркивая, что последний обладал мощной свитой, а также привел с собой в столицу закаленных в боях дорифоров и гипаспистов (BP. I. 24. 44-45: *δεραλείαν δύναμιν... δорυφόρων... καὶ ὑπασπιστῶν πλῆθος*). Если принять во внимание информацию Малалы (Malala. 474. 18) и "Пасхальной хроники" (Chron. Pasch. 621. 18-19) о том, что казарма схолариев сгорела еще 15 января, то в здании (*οἴκημα*), упомянутом Прокопием, следует видеть казарму экскувитов. Корпус экскувитов, согласно Иоанну Лиду (De mag. I. 46), насчитывал 300 человек, что, разумеется, было известно и Велизарию. Насколько же мощной тогда была свита (*δεραλεία*) Велизария? И только ли этими силами он устроил резню на ипподроме? Мунду Прокопий отводит второстепенную роль, замалчивая истинную причину его пребывания в столице с отрядом герулов (BP. I. 24. 41).

Анализ источников, таким образом, убеждает в том, что до известной степени друг другу противостоят две традиции (официальную версию латиноязычных авторов мы не учитываем): рассказ Прокопия, с одной стороны, и повествования Малалы, "Пасхальной хроники", Феофана, а также отчасти Захарии Ре-

тора — с другой. Отношение к Велизария, на наш взгляд, стало исходным пунктом расхождения обеих традиций. Справедливо подмечено, что в целом в первой книге "Войн" Прокопий сознательно стремился выставить Велизария в более выгодном свете, нежели он предстает в параллельном повествовании Малалы, а изображение восстания Ника в этом контексте является "кульминацией достижений Велизария в эти годы" ¹. Добавим, что Прокопий сознательно исключил из своего рассказа все компрометирующие Велизария детали, преследуя тем самым две цели. Во-первых, он стремился максимально сгладить впечатление современников от крупного поражения, понесенного Велизарием от персов в апреле 531 г. Во-вторых, Прокопию необходимо было избавить Велизария от обвинения в хладнокровном избиении граждан. В этом контексте представляется возможным говорить об известной фальсификации Прокопием истории восстания.

Так, у Прокопия отсутствуют сведения о миссии Константиола, посланного Юстинианом для точного установления виновных в поражении близ Каллиника. И если, по Малале, Велизарий был смещен с восточного магистрия именно в результате расследования (Malala. 466), то, по Прокопию, император отозвал недавно разгромленного полководца для того, чтобы поставить его во главе похода против вандалов (ВР. I. 21. 2). Отсюда и о Мунде, которого, согласно Малале, Юстиниан назначил преемником Велизария (Malala. 466). Прокопий сообщает, что он был с какой-то целью вызван в столицу накануне восстания, а во главе отряда герулов оказался случайно (ВР. I. 24. 41). В свое время В. Энслин попытался снять противоречие между данными Малалы и Прокопия в пользу последнего, отметив, что Малалой было ошибочно принято намерение (?) Юстиниана назначить Мунда магистром Востока за действительность ². По мнению Э. Штейна, Мунд стал-таки новым магистром войск Востока, но не смог исполнять свои обязанности вследствие того, что свою власть на диоцез Восток распространил Ситта. Поэтому несколько месяцев спустя Мунд был вновь назначен магистром войск Иллирика ³. Обе трактовки, одна-

¹ Camiron Av. Procopius and the Sixth Century. London, 1985. P. 157-158.

² Ensslin W. Mündus... Sp. 560.

³ Stein E. Histoire du Bas-Empire... V.II. P.293.

ко, проходят мимо объяснения того, почему Мунд с военным формированием оказался в Константинополе в январе 532 г., а не в Фессалонике, где располагался оффикий иллирийского магистерия. Думается, что Мунд был все же отправлен на Восток с отрядом герулов, но возвращен, как только в столице осенью 531 г. была получена весть о смерти Кавада. Ведение мирных переговоров было возложено на Руфина и Гермогена (Marc. Com. a. 533; Iord. Rom. 365), а упорядочение дел восточного магистерия поручено Ситте. Мунд, хорошо знавший особенности Иллирика, был необходим именно там. Новый императорский кодицилл на иллирийский магистерий он получил (BP. I. 24. 41: *Ἰλλυρίῳν στρατηγὸς ἀποδεδειγμένος*), видимо, в самый канун восстания.

Отряд Мунда, срочно перебрасываемый из Иллирика для латания бреши на персидском фронте (из Армении с той же целью с какими-то подразделениями направлялся Ситта — Malala. 465; Proc. BP. I. 21. 3-4), по меркам VI в. должен был быть значительным. Во главе трех тысяч человек, оставленных Юстинианом охранять дворец, Феофан не случайно назвал именно Мунда (Theoph. 184. 29-30). Захария Ретор подавление восстания связывает только с именем Мунда. Роль Велизария в событиях 18 января 532 г. большинство авторов усматривает только в аресте Ипатия. Иными словами, роль довольно скромную в военном отношении, но важную для Велизария лично: полководец с пошатнувшимся авторитетом возвращал себе тем самым расположение императора. И, наоборот, это подбострастное деяние не вписывалось в схему Прокопия, поэтому он "передоверил" совершение акта ареста Юсту и Бораиду. Велизарий, настойчиво подчеркивает Прокопий, стремился напасть на сильного, окруженного стасиотами Ипатия (BP. I. 24. 44; 49), а не захватить слабого, всеми покинутого (I. 24. 53) узурпатора. Отсюда, разъясняет историк, Велизарий не воевал с народом, а начать резню безоружных граждан его заставила безвыходная ситуация: необходимость самообороны в узком проходе, ведущем непосредственно к императору (BP. I. 24. 49).

Очевидно, привести точную цифру сил, которыми располагало правительство на разных этапах восстания, невозможно. Оценки исследователей сводятся либо к

осторожному повторению данных Феофана (3 тыс. человек)¹, либо к произвольным предположениям. Так, Дж. Бьюри полагал, что в распоряжении Юстиниана было слишком мало солдат, не более 1500 человек². Л. Шассен, исчисляя гарнизон столицы в 24 тысячи человек (не приводя, впрочем, методики расчета), отряды Мунда и Велизария вместе определяет на уровне 400 бойцов³. Однако чаще делаются общие оценки относительно военного потенциала Константинополя⁴, реальную силу в котором представляли лишь школы. Несколько особняком стоит концепция Р. Фрэнка, полагавшего, что вследствие превращения схоляриев в "имперскую инспекцию" число их в столице, занятых церемониальной службой во дворце, не превышало 300 человек. Они, а также триста экскувитов вряд ли из-за своей малочисленности были важным фактором в ходе восстания⁵. Уязвимым местом концепции является необоснованное игнорирование указания Прокопия о том, что охрану дворца обычно осуществляли 3500 схоляриев (НА. 24. 15). Кубикуляриев и спафариев в число военного потенциала столицы обычно не включают, несмотря на общепризнанную многочисленность их при дворе. Р. Гийан подчеркивает, что спафарокубикулярии, вооруженные мечами, представляли собой личную гвардию императоров⁶. Неясно, однако, какую часть кубикуляриев они составляли.

В июле 530 г. Юстиниан четко определил, что к категории *milites* относятся солдаты, служащие под началом магистров войск, одиннадцать школ и федераты (CJ. IV. 65. 35). В этом плане употребление греческими авторами столь же общего термина *στρατιῶται* по отношению ко всем официальным вооруженным формированиям, находившимся в столице в январе 532 г., не противоречит данным законодательства. Количество схоляриев в Константинополе обычно⁷ рассчитывают по *Notitia Dignitatum*

1 Ibidem. P.452.

2 Bury J. History of the Later Roman Empire. N. Y., 1958. V.II. P.43.

3 Chassin L. Op. cit. P.56.

4 Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284-602). A social, economic and administrative survey. Oxford, 1964. V.II. P.694; Dagron G. Naissance d'une capital. Constantinople et ses institutions de 330 a 451. P., 1974. P.108.

5 Frank R. Scholae Palatinae... P. 227; 216. N.43.

6 Guillard R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin, Amsterdam, 1967. T.I. P. 277-284.

7 Grosse R. Römische Militargeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. B., 1920. S. 93-95.

(Ор. XI. 4-10) — 7 школ и по Прокопию (НА. 42. 15) — 3500 человек. Последний добавляет, что еще при Юстине к школяриям были добавлены 2 тыс. человек (НА. 24. 19). Это вполне согласуется с указанными в CJ. IV. 65. 35 сведениями об одиннадцати школах, т.е. июль 530 г. является *terminus post quem* при трактовке сообщения Прокопия о роспуске Юстинианом этих сверхштатных школяриев (НА. 24. 20). По Прокопию, domestici и протекторы, верхушка гвардии квартировали частью в столице, частью — в Галатии, либо в других местах (НА. 24. 25), что также подтверждается данными законодательства (Ed. Just. 8. cap. 3). Из *De ceremoniis* известно, что из школяриев формировалась элитная группа кандидатов в количестве 40 человек (*De cer.* I. 86. P. 392), привилегию которых на одновременное обладание обоими статусами (школяриев и кандидатов) Юстин подтвердил в 524 г. (CJ. XII. 33. 5. 4). Согласно Феофану, в феврале 562 г. император приказал перевести в Гераклею и окружающие ее полисы семь школ, прежде размещенных в Никомедии, Кие, Прусе, Кизике, Коттире и Дорилее (*Theoph.* 236. 17-20). Под 559 г. тот же Феофан фиксирует школы при обороне столичных стен от гуннского набега (*Theoph.* 233. 14-18).

Приведенный материал позволяет, на наш взгляд, утверждать, что в момент восстания в Константинополе находился весь корпус экскувитов и не менее трех тысяч школяриев, даже принимая во внимание возможность отсутствия части domestici по делам инспектирования войск (НА. 24. 8). Несомненным является и то, что ранневизантийская гвардия в отличие от преторианских когорт принципата была сильнее разобщена по статусно-ранговым критериям, препятствовавшим складыванию единого корпоративного духа. Раскол гвардии школ, помимо отчетливых трений между экскувитами и школяриями, проявился после смерти Анастасия I. В самом деле, после того как экскувиты не приняли претендента от школяриев, они же предложили стать императором кандидату (=школярию) Юстиниану (*De cer.* I. 93. P. 426). Увязывать, однако, обстоятельства выборов Юстина с поведением школяриев в дни восстания Ника, считая их своеобразным реваншем последних¹, вряд ли возможно.

¹ Frank R. *Scholae Palatinae...* P. 215-216.

Схоларии и экскувиты либо заняли нейтральную позицию, либо стали на сторону восставших лишь в последний день, 18 января 532 г. Части регулярной армии прибыли в столицу 17 января, а до этого схоларии, обозначенные как стратиоты, безоговорочно выполняли приказы властей Константинополя и в первую очередь Василида, исполнявшего обязанности магистра официий Гермогена во время отсутствия последнего (Chron. Pasch. 620. 17-621. 1); магистрам официий, как известно, были подчинены схолы¹. Именно схоларии взяли под охрану церковь св. Лаврентия по приказу префекта Константинополя Эвдемона, который не имел других вооруженных формирований в своем распоряжении². В результате исполнения этого поручения схоларии понесли первые потери (Theoph. 184. 17), видимо серьезно подорвавшие их боевой дух. Захария Ретор прямо утверждает, что в числе прочих схоларии получили приказ императора подавить возмущение в городе (Zach. 189. 16). Наконец, Малала отмечает, что народ выбором пароя сознательно дистанцировал себя от стратиотов (= схолариев) и экскувитов (Malala. 474. 12-13). Не исключено, что в числе *πλητὸν Γοτθικῶν*, с которыми Велизарий напал на димоты, требовавших отставки Иоанна, Эвдемона и Трибониана, также были схоларии. Просто трудно предположить, чтобы смещенный за поражение полководец, незнатный и небогатый, обладал собственным внушительным отрядом. Прокопий рассказом о якобы приведенной Велизарием большой свите лишь продолжил свою неправдоподобную версию о назначении Велизария командующим в предстоящей войне с вандалами как причине удаления его с поста магистра войск Востока.

Таким образом, несомненна лояльность всех гвардейских подразделений до 18 января. Думается, что перелом в их умонастроении произошел после малорезультативного для правительства уличного сражения стасиотов с регулярными войсками. Примечательно, что от Юстиниана 18 января отступились не только якобы "обиженные" схо-

¹ Clauss M. Der Magister officiorum in der Spätantike (4.-6. Jahrhundert) München, 1981. S. 40-45.

² Jones A. H. M. Op. cit. V. II. P.694: "In Constantinople the position of the prefect was no so weak, as the emperor normally resided in or near the city and the scholae were there on call"; Dagron G. Op. cit. P.108: "...la ville ne semble pas avoir d'institution militaire propre, ...le prefet urbain ne dispose pas de forces importantes d'intervention et de police".

ларии, но и экскувиты, давшие в 518 г. жизнь новой династии. Все эти факты позволяют сделать следующие выводы:

1) до 17 января Юстиниан надеялся не прибегать к помощи армии, стремясь обойтись лишь силами гвардии;

2) поведение схоляриев и экскувитов 18 января мотивируется подавленностью и инстинктом самосохранения.

Апелляция к закону о схоляриях от 22 апреля 527 г. как доказательству мести Юстина за действия схол при избрании его в 518 г. императором, мести, лишь усугубившей неприятис новой династии, прорвавшееся в январе 532 г.¹, в этой связи также несостоятельна. В законе, как известно, речь идет об изъятии у магистра оффиций права на самостоятельное замещение вакантных мест в схолах; *probatoria* гвардии отходила к императору (CJ. I. 31. 5). В качестве мести этот акт выглядит слишком запоздалым, учитывая, что в прочих случаях реакция Юстина на устранение напоминавших о неприятных обстоятельствах его избрания императором людей была довольно быстрой. Например, трибуна Иоанна, выдвинутого экскувитами кандидатом на империй до него, он сделал епископом Гераклеи (Vict. Tonn. a. 520); магистр оффиций Келер был отправлен в отставку. Думается, что подлинным автором указанного закона был Юстиниан, ощущавший потребность перед предстоящей интронизацией создать в схолах преданную лично ему прослойку. Видимо, в результате этого акта и возникли две тысячи сверхштатных схоляриев (НА. 24. 19).

О численности пришедших 17 января солдат презентальных войск нет сведений. Учитывая же прибытие их из разных пригородов столицы, можно предположить, что Юстиниан призвал в Константинополь четыре *numeri* по 500 человек в каждом. Видимо, после уличного сражения и неизбежных потерь презентальные стратиоты, слившись с отрядом Мунда, и составили упомянутые Феофаном три тысячи солдат. Очевидно, поэтому основные источники сочли необходимым специально подчеркнуть, что это было соединение вооруженных воинов². В целом же количество верных императору людей, вероятно, достигало че-

¹ Vasiliev A.A. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge (Mass.), 1950. P.402; Frank R. *Scholae Palatinae*... P.216.

² Malala. 476. 3: *βοηθείας ἐνόπλου*; Chron. Pasch. 626. 1-3: *ἐνόπλων βοηθείαν*; Theoph. 185. 11-13: *ἐνόπλων στρατιωτῶν βοηθείαν*.

тырех тысяч вместе с кубикулариями и спафариями, а также некоей *βοήθεια* (кандидаты? *praepositi labarum?*), которую скрытно от схоляриев и экскувитов сторонники Юстиниана вывели из дворца (Chron. Pasch. 626. 11-12). Это число могло бы увеличиться еще на две тысячи человек, если бы схолярии и экскувиты присоединились к верным Юстиниану войскам. С другой стороны, то обстоятельство, что гвардия не выступила на стороне стасиотов, в решающий момент увеличило шансы императора на успех подавления восстания.

Ответом Юстиниана на поведение гвардии 18 января 532 г. стала передислокация ее из столицы. Семь схол были передвинуты в малоазийские города, где они оставались до 562 г. И лишь участвовавшие варварские прорывы вплоть до оборонительных укреплений Константинополя заставили вновь перебросить эти семь схол в столичный регион (Theoph. 236. 17-20). В этом безошибочно угадывается месть Юстиниана своей прежней гвардии и фактический перевод ее в армейский статус. Последнее обстоятельство тем более относится к экскувитам, которых Юстиниан отослал воевать в Африку (Proc. BV. II. 12. 17). В составе экспедиционной армии Велизария, готовой летом 533 г. отправиться к вандальским берегам, Прокопий упоминает две тысячи неких *Βυζάντιοι* (BV. I. 11. 16). На наш взгляд, это были две тысячи сверхштатных схоляриев, набранных в период 527-530 гг. и о которых в "Тайной истории" Прокопий заметил, что вскоре после вступления на престол Юстиниан отделался (*ἀπεσείσατο*) от них (НА. 24. 20). Эта расправа над гвардией с неизбежностью повлекла за собой изменения в балансе власти высших дигнитариев империи. Безусловно, ослабили позиции магистра официй: распоряжение корпусом экскувитов, видимо сформированным заново, — это все, что осталось от его прежних военных функций в Константинополе после восстания. И, наоборот, резко усилилось положение префекта претория Востока. Удалив схолы из столицы, Юстиниан создал своего рода полицейские силы, подчинив их префекту Востока. Вряд ли без разрешения императора Иоанн Каппадокийский смог бы набрать стражу (собственно, именно об их частном статусе Прокопий вовсе не говорит) из "многих тысяч дорифоров и гипаспистов"; ни один префект,

заметил Прокопий, прежде не имел этого (ВР. I. 25. 7)¹. Думается, что главной задачей этих сил была охрана гражданских правительственных зданий и поддержание порядка в городе; такой урок извлекла власть из восстания. Не исключено, что в массе своей эти силы были укомплектованы варварами. Во всяком случае, так можно трактовать сообщение Прокопия о расквартировании в Константинополе 70 тысяч (цифра, конечно же, сильно завышена) варваров (НА. 23. 24).

В свое время К. Бенъямин предположил, что из-за невоинственности схол, проявившейся в восстании Ника, охрана особы императора была передоверена федератам, расквартированным в Константинополе². Эта гипотеза, на наш взгляд, плодотворна и находит опору в источниках. В 546 г., сообщает Прокопий, император перевел из Африки Артабана в столицу и назначил его магистром войск и комитом федератов (ВГ. III. 39. 10). Совмещение должностей презентального магистра и комита федератов не выглядит странным лишь при том условии, что федераты располагались в Константинополе. Известно, например, что накануне мятежа Виталиана федератский корпус находился в Скифии и Мезии (Юанн. Ant. fr. 214e. 1). Наконец, реализовать свой заговор против Юстиниана Арсак надеялся при помощи Артабана, командира федератов в столице, поскольку без опоры на военную силу (хотя бы для того, чтобы сломить сопротивление экскувитов) он был бы вообще невозможен.

Подавление восстания Ника прямо отразилось на судьбах и карьерах военной верхушки империи. Велизарий был прощен за поражение у Каллиника, восстановлен в должности магистра войск Востока (ВР. I. 26. 1), назначен стратегом-автократором в походе против вандалов. Опытный в военных делах магистр официий Гермоген, серьезно корректировавший действия Велизария в 529-531 гг.

¹ С известной долей осторожности можно предположить, что при могущественном Иоанне Каппадокийском вплоть до его падения в 541 г. произошло кратковременное возрождение, во всяком случае чисто внешнее, преторианской гвардии, подчиненной префекту претория Востока, имевшего постоянную резиденцию в столице. Не исключено, что в данном случае термин "дорифор" употреблен Прокопием в традиционном гвардейском смысле ("преторианец"). — О термине см.: Mason J. *Greek Terms for Roman Institutions*. Toronto, 1974. P.39.

² Beniamin C. *De Iustiniani imperatoris aetate questiones militares*. B., 1892. P.18.

на персидском фронте¹, не был придан ему в качестве советника: император пощадил самолюбие своего полководца. Несомненно, в особой милости у Юстиниана был и Мунд, главный "герой" резни на ипподроме. То, что ему, как и Велизария, отдавалось предпочтение при назначении командующим крупными стратегическими операциями, лишний раз подчеркивает благодарность Юстиниана за его позицию в дни восстания. Хотя Юстиниан рисковал очень многим, ни в 533, ни в 535 гг. самые талантливые полководцы юстиниановой эпохи — Герман и Ситта — не были поставлены во главе экспедиций, имевших решающее значение для всей западносредиземноморской политики империи. Основная причина — отсутствие Германа и Ситты в январе 532 г. в Константинополе, даже при том, что их служебная репутация была неизмеримо выше, чем у Велизария и Мунда. Примечательно, что в ходе дискуссии в консистории о том, вмешиваться в дела вандальского королевства или нет, кандидатура командующего предстоящей экспедицией даже не обсуждалась (Proc. BV. I 7-21).

И последнее. Думается, что наглядный пример слабой дееспособности во время восстания гражданских властей, лишенных по диоклетиано-константиновой конституции подконтрольных им военных сил, во многом убедил Юстиниана в ходе административных реформ наделить рядом военных функций наместников провинций.

¹ Cameron Av. Procopius... P. 157.